

БОГИ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

КНИГА II. СУД.

ТЕОРИЯ ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА



Виталий Чавун

**Боги как реальность. Книга
2. Суд. Теория идеального
общественного договора**

«Э.РА»

2022

Чавун В. В.

Боги как реальность. Книга 2. Суд. Теория идеального
общественного договора / В. В. Чавун — «Э.РА», 2022

ISBN 978-5-98856-475-1

Общеизвестный факт, что религия и политика всегда шли рука об руку в истории человеческой цивилизации. Однако в научной литературе подробности взаимодействия религиозных и политических систем не раскрываются, а в научно-популярной – религия вообще представлена как некий отмирающий социальный атавизм. Это не результат заговора, а непосредственное действие в умах мифа об отделении государства от церкви и религии от политики – как основного отличия современной общественно-государственной системы от своих предшественников. Данная книга разрушает этот миф, раскрывает связь между господствующей религией и политическим устройством современных обществ и отвечает на вопрос практического применения этого знания. Книга написана в жанре научно-популярной литературы и предназначена для самого широкого круга читателей.

ISBN 978-5-98856-475-1

© Чавун В. В., 2022

© Э.РА, 2022

Содержание

Вступление	6
Часть I	9
Глава 1. Иррациональная Религия	9
Глава 2. Рациональная Религия	13
Глава 3. Четыре модели взаимодействия науки и религии	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В.В. Чавун
Боги как реальность. Книга II. Суд. Теория
идеального общественного договора

© Чавун В., 2022

«И о богах говорят, что они состоят под властью царя...»
Аристотель «Политика»

И сказал Господь Самуилу: ... представь им и объяви им права
царя, который будет царствовать над ними.
Кн.1.Цр.8:7–9.

Вступление

Почему книга называется «Боги как реальность»? Всемирно известная и популярная в атеистических кругах работа Ричарда Докинза «Бог, как иллюзия» повествует о богах, как о нечто, что вообще не играет никакой роли в жизни и развитии общества, потому что попросту не работает – иллюзия. Эта книга, в отличие от книги Р. Докинза, рассказывает о богах, которые являются неотъемлемой и важной частью общественных отношений, и о том, как, от их характеристик, зависит качество Твоей жизни и будущее Твоих детей. Ты узнаешь, как, используя эти знания, Ты можешь изменить характер общественно-государственных отношений – самым радикальным образом.

Для кого эта книга? Она для всех, кто больше не верит в политиков и политические партии, кто устал от их абсурдной политики и непомерных государственных повинностей и кто не приемлет больше такое вмешательство в экономику и в личную жизнь; кто не уверен в безопасности собственного будущего и будущего своих детей. Возможно, читать ее будет непросто. Это связано с тем, что власти, уже многие поколения, лишают население доступа к фундаментальным знаниям о Праве, как социальном феномене. Но то, что Ты здесь прочтешь, хорошо было известно крестьянам Раннего Средневековья и рабам Древнего мира. То есть Ты столкнешься не со сложностью изложенных здесь знаний, а с их непривычностью. Фундаментальные знания о Праве – это знание о том, на каких основаниях появляется Суверенитет, как от условий его применения зависит качество Власти, по каким законам создаются системы права, какими они бывают, как они устроены, как развиваются – и к каким результатам приводит их применение. Без этих знаний невозможно увидеть истинные причины окружающей нас несправедливости, бедствий и абсурда, которые превысили уже все возможные границы, а значит, и невозможно увидеть выход из сложившейся ситуации. Фундаментальное право – это знание, без которого невозможно изменить Систему. Эта книга содержит в себе подробное описание механизма смены Системы Власти.

Книга состоит из двух частей. Первая часть книги содержит научную основу, на которую опирается изложенная в книге концепция понимания природы Права и Суверенитета, а также раскрывает религиозную сущность и структуру современного Международного и национального права. Без нее изложенное во второй части будет малопонятно. Вторая часть книги является моим переводом работы известного правоведа и общественно-политического деятеля, оставившего значимый след в истории человеческой цивилизации, и содержит описание методологии создания системы права на примере историко-юридического опыта, методологию создания и общую концепцию фундаментально новой системы права. Имя автора не разглашается мною по той причине, что личности подобного масштаба всегда окутаны историческими мифами и предрассудками, что становится помехой адекватно воспринимать их труды. Но когда описанная в книге реформа будет реализована, это имя будет озвучено. В этой фундаментально новой системе права у Тебя не может быть долгов, налогов и других поборов, национализаций-приватизаций-рейдеров, а твои дети воспитываются теми, кем их хочешь видеть Ты, а не правительство. Если Ты потерял всякую надежду на политиков, законы и революции, эта книга Тебе понравится и, безусловно, будет полезна. Она утвердит Тебя в твоём неверии и даст прочное основание для надежды.

Так сложилось, что понятие «теория заговора» имеет в культуре нарицательный смысл для обозначения псевдо-и лженаучных теорий определенного содержания. У всех «теорий заговора» есть один существенный недостаток: все они приводят только косвенные признаки наличия заговора, а потому никто не может указать конкретно, кто этот глобальный предиктор (сценарист), или, указывая на него, не могут привести прямых доказательств, а потому это всегда остается всего лишь предположением, граничащим с фантазией. Не может глобальный

сценарист, если он есть, не быть прописанным в Международном праве. Такая роль предполагает обязательное наличие непосредственно юридически закрепленного права на власть особенного характера и неприкосновенность этой власти для любого суда, поскольку эта власть стоит над всей системой международных и национальных правоотношений.

Такие юридические факты есть. Их следует искать в той сфере деятельности, которая называется **МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ**. Особенность «конспирологической» теории, изложенной в этой книге, в том, что она опирается на юридические факты и практику, а потому научна, и, значит, эти факты могут быть использованы в судебной и политической практике. В науке понятие «мировой заговор» – абсолютно научное понятие, только имена у него другие: «мировой порядок», «многосторонняя дипломатия», «международное право», «глобальная политика». Теорию заговора в таком контексте правильней называть Теорией договора, так как юридической основой «многосторонней дипломатии» являются международные договоры. Таких международных соглашений в истории современной международной системы всего шесть: Вестфальский мир, Утрехтский мир, Венский мир, Версальский мир, Ялтинско-Потсдамский мир, Постсоветский мир. Если глобальный предиктор есть, то его наличие прописано в одном из них. Главное знать, что искать. Ты узнаешь исторические и юридические факты о «мировом договоре» элит, имена и цель заговорщиков, узнаешь о том, каких результатов достиг «заговор» на данный момент истории и какие у него планы на ближайшее Твое будущее и будущее Твоих детей, какую роль во всем этом играет религия. Также Ты сможешь принять участие в новом «мировом договоре», если условия нового «мирового порядка» будут тебе по сердцу.

Проблема мирового договора не может быть раскрыта без углубления в вопросы Религии и Веры, так как современной системе Международного права предшествовало христианское право, а потому ее юридические корни именно там.

Религия является самым загадочным, малоизученным, социально-историческим феноменом. Удивительно, что на данный момент нет ни одной научной теории, которая бы дала исчерпывающий ответ на вопрос, что есть Религия и какова ее роль в истории человечества.

Согласно научному подходу, все должно иметь в истории исключительно рациональное объяснение. Объяснение каких-либо социальных, исторических явлений и событий иррациональными причинами ненаучно, так как изначально неопровержимо. К таким относится и попытка объяснить веру в сверхъестественных существ у наших предков наличием у них некоего пралогического (мифологического) мышления или объяснить «охоту на ведьм» в Эпоху Возрождения и Просвещения иррациональной верой людей в нечистую силу и страхом перед ней. Как это доказать? Никак. Это свидетельствует только об одном: подход к изучению природы Религии и оценка ее роли в истории человечества в корне неправильны. Наука не должна множить «белые пятна» в Знаниях. Ненаучно объявлять исторические события выдумкой по признаку источника, где они упоминаются, как это делается в отношении текстов религиозного характера и мифов. Это всего лишь способ игнорировать неудобные исторические свидетельства. Наука уже имеет достаточно доказательств, что информация, изложенная в мифах, правдива. Неумение правильно понимать содержание тех или иных мифов или религиозных текстов и, соответственно, не находить подтверждения изложенной в них информации должны расцениваться как проблема не источника, а ученых, использующих неправильный подход в работе с этой информацией.

Конечно, эта книга не дает ответы на все вопросы о религии. Да и цель у нее совершенно иная. В этой книге затрагивается исключительно прикладная религия – та ее часть, которая касается принципов организации и регулирования общественных отношений.

Концепция Беспольных богов, наиболее полно раскрытая профессором Ричардом Докинзом в бестселлере «Бог как иллюзия», является наиболее распространенной в обществе и считается в массовой культуре значимым достижением наукопопа. Но в научной среде есть

и другое представление о богах, радикально отличающееся от этого. Ты узнаешь, что сверхъестественные антропоморфные существа – это не фантазия людей Древнего мира, а реальность людей эпохи Научно-технического прогресса. Боги и сейчас живут среди нас. Люди, и не только считающие себя верующими, но и атеисты, поклоняются им, уповают на их милость, боятся их гнева, а служение им преподносится как высшая добродетель.

Часть I

Теоретическая: роль религии в обществе

Глава 1. Иррациональная Религия

Боги – это фундаментальное понятие в любой религии, а потому ответ на поставленный выше вопрос лежит в плоскости практического применения богов. Что такое боги? Какое практическое значение они имели в истории цивилизации? Чтобы иметь полное представление об общепринятом в современном обществе взгляде на природу Бога, достаточно привести несколько энциклопедических определений понятия «Бог» и основные взгляды в науке на этот феномен. Важность для нас энциклопедических знаний заключается в том, что они являются той частью из всей совокупности научных знаний, которые формируют господствующее в обществе мировоззрение, или, если угодно, отражают его.

Большой толковый словарь русского языка: «Бог, Боже; мн. боги, богов; м. 1. [с прописной буквы] только ед. По религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имён: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)»¹.

Новейший философский словарь: «Бог – сакральная персонификация Абсолюта в религиях теистского типа: верховная личность, атрибутированная тождеством сущности и существования, высшим разумом, сверхъестественным могуществом и абсолютным совершенством.

Персонифицирующая интерпретация единого Бога свойственна для зрелых форм такого религиозного направления, как теизм, и формирование ее является результатом длительной исторической эволюции религиозного сознания»².

Новая философская энциклопедия: «Бог – в религиях мира и философских системах Высшее Существо, создающее и устрояющее мир, дающее вещам, существам и лицам их бытие, меру, назначение и закон»³.

Большая российская энциклопедия: «Бог – в религиях мира и философских системах Высшее Существо, создающее и устраивающее мир, дающее вещам, существам и лицам их бытие, меру, назначение и закон. В религиозных учениях, объединенных принципом теизма, утверждается личное бытие Высшего, его личное отношение (любовь) к сотворенным существам и Вселенной в целом, его диалогическое самораскрытие в актах откровения. Идея богов постепенно кристаллизовалась в различных мифологических традициях человечества. Исходная теория развития – представления первобытных народов о силах, действие которых по-разному локализуется на панораме мирового целого»⁴.

Такой односторонний взгляд на Религию, который ничего нам не говорит о практической роли Религии в развитии цивилизации, доминирует в общественном мировоззрении и в науке.

¹ Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.

² Можейко М. А. Бог // Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 110–113. – 1280 с.

³ Аверинцев С. С. Бог // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ. – науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин... – М.: Мысль, 2000–2001.

⁴ Аверинцев С. С., Ибрагим Т., Лысенко В. Г. Бог // Большая российская энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – Т. 3.

Например, в «Культура Передней Азии в первой половине I тысячелетия до н. э.» 1983 года издания читаем: «Во всем древнем мире крестьяне и сановники, рабы и цари верили, что боги предопределяют судьбу индивида и государства, и все жаждали узнать свое, предначертанное богами, будущее и исход своих начинаний. Поэтому, во всем древнем мире, имелись «избранные богом» (некто вроде шаманов), которым в силу их «избранности» якобы открывались тайны божьей воли: считалось, что они могли «пророчествовать», сообщать людям их судьбу и будущее»⁵.

Основанием для такого взгляда на природу Бога служит так называемая Доктрина веры, принятая в современной христианской церкви, а уже опираясь на эту доктрину, ученые оценивают мифы, ритуалы и другие исторические источники, касающиеся всего религиозного прошлого человечества. В частности, данная доктрина гласит, что Бог – это сверхъестественное существо, непостижимая, трансцендентная личность, которая пребывает в потустороннем мире, создавшая этот мир и управляющая им, и которая очеловечилась в образе Иисуса Христа. Так, протоиерей О. Давыденков в работе о фундаментальных основах современного православия «Догматическое богословие» пишет: «В Книге Исход Господь открывает Свое имя как Сущий (Исх.3:14). Свят. Григорий Богослов толкует значение этого имени следующим образом: «Сим именем именуется Он (Бог) Сам Себя, беседуя с Моисеем на горе, потому что сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекращается»²⁰⁹. Из этих слов свят. Григория можно заключить, что Бог, во-первых, является свободно-разумным Существом (Личностью) и, во-вторых, заключает в Себе безграничную полноту бытия...»⁶.

В этом вопросе и католики, и православные солидарны, поэтому не буду утомлять читателя примерами рассуждений богословов о Боге как существе и личности. Однако достоверно известно, что в ходе истории что-то в доктрине христианской веры неоднократно изменялось, и это «что-то» было настолько важным для практики, что это было причиной лишения свободы и жизни многих тысяч людей. Об этом свидетельствуют имеющиеся в истории факты церковных расколов, которые могли происходить только в периоды радикальных изменений политики церкви. Первый из них произошел еще в Римской Империи в IV веке и известен в истории как Арианский спор. Второй произошел в XI веке – Великий раскол, который привел к разделению христианской церкви на западную (Католическую) и восточную (Православную). Третий раскол произошел в эпоху Возрождения. В Западной Европе он отразился в двое-и троепапстве, в возникновении Протестантизма, а в Российской империи – в Никоновской реформе и старообрядчестве как оппозиции этой реформе.

Последняя Доктрина веры была разработана и принята в период реформ в Эпоху Возрождения и в Реформацию, практический смысл которых заключался в установлении абсолютной монархии и отделении церкви от государства. Изменение общественно-государственных отношений не могло не затронуть христианскую религию. Установлению абсолютной монархии благоприятствовали новые христианские богословы, приписывающие верховной власти божественное происхождение, и юристы Римского Права, признававшие за государями абсолютную власть античных римских императоров.

До этого власть монархов была ограничена нормами и ценностями Священного Писания, в большей мере – Нового завета, а сами монархи были всего лишь одними из многих суверенов в своем государстве. Лишение рыцарства и духовенства суверенного статуса и идеоло-

⁵ Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Вейнберг И.П. Культура Передней Азии в первой половине I тысячелетия до н. э./ История Древнего мира. Расцвет Древних обществ. – М.:Знание, 1983 – с. 94–120.

⁶ Протоиерей Олег Давыденков, «Догматическое богословие» – 2013. Ч.2, разд.1, вступление.

гическое и правовое закрепление абсолютной монархии требовало пересмотра доктрины веры, чтобы снять ранее имевшиеся правовые ограничения монаршей власти. Носителями этой Доктрины веры мы все теперь и являемся. И это утверждение справедливо, в отношении как верующих, так и атеистов, с той лишь разницей, что одни верят в нее, а другие – нет, но иного представления о Боге ни у тех, ни у других нет.

Но вернемся к понятию «Бог/боги». Как видно из приведенных примеров, понятие «Бог», принятое в современной науке и обществе, совпадает с официальной позицией современной церкви и не выходит за его рамки: трансцендентная сверхличность. Возможной причиной тому является монополия церкви на толкование Священного Писания и, соответственно, определение понятия Бога. Разделение церкви и государства, религии и науки – это один из ключевых столпов современной общественно-государственной системы, покушение на который расценивается как угроза общественной безопасности. Доказательством тому служит категорическое неприятие в европейской культуре теократии.

Наука может изучать религию только сквозь призму церковного толкования понятия Бога-Творца. Наука не может выдвинуть свое, отличное от церковного, определения понятия «Бог», так как этим занимается Теология, которая имеет статус науки и ее кафедры есть во всех самых престижных вузах мира. В связи с этим наука брала за аксиому утверждение церкви, что Бог – это некое антропоморфное, сверхъестественное существо-личность, вера в которого опирается только на субъективный опыт. Автоматически эта догма распространилась и на всех остальных богов, существовавших и существующих в различных древних и современных религиозных системах. Можно сказать, что каким-то образом произошла вненаучная стандартизация понятия «Бог/боги». Причем новое понятие является абсолютно не практичным, и вся публичная дискуссия с участием популяризаторов науки и теологов тоже ведется исключительно вокруг вот этого абсолютно бесполезного – с точки зрения общественной практики – представления о Боге и богах. Иррационализм стал доминирующей позицией в оценке религии как социального явления.

Марксизм позиционирует себя как теория, в основе которой лежит исторический материализм. С этой позиции религия является древнейшей формой идеологии, и именно классовые интересы являлись главным фактором, определявшим конкретные ее формы: так, христианство появилось в ответ на нужды угнетенных слоев, для которых идея посмертного воздаяния была способом примириться с общественной несправедливостью, но в дальнейшем использовалось высшими классами как идеологическое оправдание закабаления пролетариата.⁷

Этот подход крайне противоречив. Зачем властям античного Рима на протяжении 300 лет преследовать христианство, которое давало им в руки более совершенный инструмент манипулирования сознанием угнетенных масс, чем эллинизм? Если религия – это просто форма идеологии, предназначенная для угнетения масс, то почему современные политические идеологии не считаются религиями, ведь после отделения церкви от государства, они выполняют ту же самую функцию – оправдание закабаления масс? И, как показала история, это утверждение в равной степени относится и к марксизму.

Философия тоже не могла остаться в стороне от феномена Религии. Интересные идеи по проблеме религии представлены в отечественной философии в работах В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, братьев С. Н и Е. Н. Трубецких. В работе «Учение о перевоплощении» Н. О. Лосский указывал, на примере взглядов Лейбница, что философия и религия не противоречат друг другу: «Теория предсуществования души и перевоплощения, развитая Лейбницем и усвоенная мною ... никогда не подвергалась осуждению Церкви. ... На церковных молитвах, напр. на содержании панихиды, учение о перевоплощении никак не должно отразиться. В панихиде всё внимание сосредоточено на конечной цели жизни чело-

⁷ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.

века, на вступлении его в Царство Божие, где нет «ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная». Но в индивидуальной молитве об усопших сторонник учения о перевоплощении может, конечно, обращаться к Богу с просьбой о благословении умершего на новых путях его жизни, о ниспослании ему даров Духа Святого и т. п....»⁸

На взгляды С. Л. Франка сильное влияние оказала метафизика всеединства Вл. С. Соловьева. Франк исходит из интуиции всеединства бытия: «Бытие есть всеединство, в котором все частное есть и мыслимо именно только через свою связь с чем-либо другим». Всеединство имеет абсолютный смысл, поскольку включает в себя отношения Бога и мира. «Даже понятие Бога не составляет исключения... Он не мыслим без отношения к тому, что есть его творение». Впрочем, рациональное постижение, по мнению С. Л. Франка, и тем более объяснение абсолютного всеединства невозможно в принципе, и философ вводит понятие «металогичности» как первичной интуиции, способной к целостному постижению действительности. Это «первичное знание», полученное таким «металогическим» образом, Франк отличает от знания «отвлеченного», выражаемого в логических понятиях, суждениях и умозаклчениях. Знание второго рода совершенно необходимо, оно вводит человека в мир идей, мир идеальных сущностей и, что особенно важно, в конечном счете основано на «первичном», интуитивном (металогическом) познании. «Это – тот парадокс на котором стоит все учение Франка: нашему сознанию непосредственно открыто бытие, ибо сознание само бытийно, – но в то же время открытое остается сокрытым, непостижимым по существу своему. И эта непостижимость составляет самую глубокую характеристику бытия – его металогичность»⁹.

Авторы всех этих работ затронули самые общие, трансцендентные аспекты религиозного мировоззрения и никак не раскрыли практическую ее составляющую, а соответственно – и правильность сделанных ими выводов не может быть проверена. Таким образом, и умозаклчения философов по теме Религии не представляют никакой практической ценности. На их основании невозможно сделать НИЧЕГО на практике. Разумеется, заострение внимания на этом аспекте религиозного вопроса априори бесплодно, и более того – социально деструктивно, так как ни к чему, как кроме взаимной неприязни у людей, считающих себя верующими и неверующими, не ведет.

Далее, в этой книге, речь идет только о той стороне религии, которая испокон веков, со времени ее появления непосредственно применялась в практической деятельности общества, влияя на его развитие.

⁸ А. Н. О. Лосский. «Учение о перевоплощении. Интуитивизм». М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.

⁹ Гайденок П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 267 с.

Глава 2. Рациональная Религия

В науке есть радикально иное представление о богах и, соответственно, о Религии – рациональное. Попытки дать рациональное объяснение религиозному мировоззрению предпринимались в науке еще с начала 19 века. Это направление в антропологии получило название «эволюционной». Основателем этой теории является выдающийся английский этнограф, культуролог, исследователь религиозных обрядов и церемоний Эдвард Бёрнетт Тейлор (1832–1917). Основные положения эволюционизма были изложены в работах Эдварда Б. Тейлора – основная работа «Первобытная культура». Значительный вклад в развитие теории внесли Герберт Спенсер (1820–1903) – основная работа «Системы синтетической философии», Льюис Г. Морган (1818–1881) – «Древнее общество», Джеймс Дж. Фрэзер (1854–1941) – «Золотая ветвь», Джон Ф. Мак-Леннан (1827–1881) – «Теория патриархата», Дж. Лаббок (1834–1913) «Происхождение цивилизации».

Эдвард Бёрнетт Тейлор является автором анимистической теории происхождения религии, согласно которой все так называемые верования имеют реальную практическую значимость для тех, кто ими пользуется.

Возникновение мифологии и религии Тейлор относил к первобытному состоянию и возводил не к «натурализму», а к анимизму, то есть к представлению о душе, возникшему в результате чисто рациональных размышлений «дикаря» по поводу смерти, болезни, снов и в целом об устройстве окружающего мира, включая человеческий социум. Именно чисто рациональным, логическим, путём первобытный человек, по мнению Тейлора, и строил мифологию, ища ответы на возникавшие у него вопросы по поводу непонятных явлений. Мифология отождествлялась, таким образом, со своего рода рациональной «первобытной наукой». Тейлор пишет: «В соответствии с этой детской первобытной философией, которая видит в человеческой жизни принцип, позволяющий непосредственно понять всю природу, дикарская теория мира приписывает все явления произвольному действию личных духов, распространенных повсюду. Это не продукт воображения, следующего только собственным своим побуждениям, а разумная индукция, согласно которой следствия вытекают из причин. Эта индукция привела грубых первобытных людей к заселению подобными призраками своих жилищ, своего окружения, обширной земли и небесных пространств. Духи являются просто олицетворенными причинами»¹⁰.

Дж. Фрэзер акцентировал свои исследования на магии, в которой видел древнейшую универсальную форму мировоззрения. Миф для Фрезера выступал в качестве сознательной попытки объяснения окружающего мира с рациональных позиций. «Магия – там, где она встречается в чистом виде, – предполагает, что одно природное событие с необходимостью неизменно следует за другим без вмешательства духовного или личного агента.

Фундаментальное допущение магии тождественно, таким образом, воззрению современной науки: в основе, как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия, что свершение нужного обряда, сопровождаемое определенными заклинаниями, неизбежно приведет к желаемому результату, если только колдовство не будет сведено на «нет» более сильными чарами другого колдуна. Маг не упрощает высшую силу, не ищет благорасположения переменчивого и своевольного сверхъестественного существа, не унижается перед грозным божеством. Но власть его, сколь бы великой он ее ни считал, никоим образом не является властью произвольной и безграничной. Он располагает

¹⁰ Тейлор Э. Б. /Первобытная культура: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989.– 410 с.

ею лишь постольку, поскольку строго следует правилам своего искусства или природным законам, как он их понимает. Пренебрегать этими правилами, преступать эти законы (пусть даже в самом малом) значит навлекать на себя неудачу и даже подвергать крайней опасности свою жизнь. Если маг и претендует на верховную власть над природой, то это власть конституционная, ограниченная в своих полномочиях и осуществляемая в точном соответствии с древним обычаем. Так что аналогия между магическим и научным мировоззрением является обоснованной. В обоих случаях допускается, что последовательность событий совершенно определенная, повторяемая и подчиняется действию неизменных законов, проявление которых можно точно вычислить и предвидеть»¹¹.

В целом эволюционисты собрали и проанализировали огромный объем фактологического материала по практическому применению мифологических знаний, который высоко оценил известный критик эволюционизма в антропологии Леви-Брюль Люсьен: ««Золотая ветвь» Фрэзера, например, отлично показывает, как анимизм объясняет множество верований и обычаев, распространенных почти всюду среди низших обществ, верований и обычаев, многочисленные следы которых сохранились и в нашем обществе. Остается, впрочем, надежда, что анимистическая гипотеза будет подтверждена фактами, что в ней найдут удовлетворительное объяснение институты и верования низших обществ. Этому делу Тейлор, Фрезер, Лэнг и столько других представителей школы посвятили свои знания и талант. Тому, кто их не читал, трудно представить себе, то необычайное обилие фактов, которое они приводят для доказательства своего тезиса»¹².

Однако ученым этой школы не удалось составить целостную картину религиозного мировоззрения и практического его применения. Это стало причиной вполне обоснованной критики: «Может быть, это произошло оттого, что они не задавались общими проблемами, что после сравнения первобытных обществ между собою они не сравнивали их с нашим обществом? Отнюдь нет. Напротив, английская антропологическая школа, по примеру своего главы, всегда и всюду старается показать связь между мышлением «дикарей» и мышлением «цивилизованных»; она даже стремится объяснить эту связь. Но как раз объяснение и помешало ей идти дальше. Объяснение было заранее готово. Она не искала объяснения в самих фактах, а навязывала его фактам»... и далее «Обнаруживая в низших обществах институты и верования, столь отличные от наших, она не задала себе вопроса, не следует ли для того, чтобы понять это различие, изучить несколько гипотез. Для них само собой разумелось, что факты могут быть объяснены только единственно возможным путем. Но являются ли коллективные представления, присущие рассмотренным ими обществам, продуктом высших умственных процессов, тождественных с нашими, или они должны связываться с мышлением, отличным от нашего в известной, подлежащей определению мере? Эта альтернатива никогда не возникала в их сознании»¹³.

Леви-Брюль, критикуя эволюционистов в своей работе «Сверхъестественное в первобытном мышлении», изданной в 1922 г, противопоставляя индивидуальное мировоззрение коллективному, вводит дополнительный фактор – пралогическое общественное мышление, которое должно было, по его мнению, объяснить причудливые логические формы мировоззрения наших древних предков: «анимистическая гипотеза становится сомнительной и вместе с ней постулат, на котором она основана. Ибо и постулат и основанная на нем гипотеза оперируют

¹¹ Дж. Фрезер. Золотая ветвь. гл.4 Магия и религия.

¹² Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении/ Ред. Л. М. Штутина. Издательство «Педагогика-Пресс», 1994. – 6 с.

¹³ Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении/ Ред. Л. М. Штутина. Издательство «Педагогика-Пресс», 1994. – 5 с.

умственным механизмом индивидуального человеческого сознания. Коллективные представления являются социальными фактами, как и институты, выражением которых они служат: если есть в современной социологии твердо установленное положение, так это то, что социальные факты имеют свои собственные законы, законы, которые не в состоянии выявить анализ индивида в качестве такового. Следовательно, претендовать на «объяснение» коллективных представлений, исходя единственно из механизма умственных операций, наблюдаемых у индивида (из ассоциации идей, из наивного применения принципа причинности и т. д.), – значит, совершать попытку, заранее обреченную на неудачу»¹⁴.

Но на эту гипотезу обрушился такой шквал критики, что сам автор в последних своих работах признал ее несовершенство. Со своей стороны хотелось бы отметить, что разделение индивидуального и коллективного мировоззрения и явилось той ошибкой, которая не позволила обеим школам создать полноценную теорию религии как общественного института. Индивидуальное мировоззрение формируется и развивается в процессе социализации индивида и последующего взаимодействия с социумом. Общество не только обеспечивает условия для развития индивидуального мировоззрения, но и ограничивает его развитие в рамках господствующего коллективного мировоззрения. Таким образом, любое индивидуальное мировоззрение является непосредственной частной проекцией коллективного мировоззрения.

Изучение функции религиозных ритуалов стало одной из главных задач французской социологической школы. Ее основатель, Эмиль Дюркгейм считал, что в действительности представление о сверхъестественном – это представление общества о самом себе, попытка его членов интерпретировать структуру социума, в котором они живут, в мифологических образах. Бог – это обожествленное общество: все проявления религии, будь то культ предков, коллективный ритуальный танец или легенды о тотемных животных, направлены на одну и ту же цель – они заставляют членов социума ощущать себя единым коллективом¹⁵.

Настоящий переворот произвело осознание, что «примитивные» религии столь же историчны, как и «цивилизованные»: они развивались и видоизменялись на протяжении тысячелетий, а отнюдь не представляют собой законсервированную исходную форму первобытных верований. Следовательно, даже если гипотетические построения ученых относительно истоков религии верны и представление о сверхъестественном у древнего человека действительно зародилось как попытка осознать природу, это мало что может сообщить нам о современных религиях. Ни для одного народа на Земле, сколь бы примитивным он ни был с технологической точки зрения, религия не сводится лишь к искаженным представлениям о природе. Наивный взгляд дикаря на окружающий мир оказался не более чем мифом: человек из первобытного сообщества, чья жизнь в большей степени зависела от понимания природы, чем наша, вынужден был разбираться в ее законах; Эванс-Притчард вполне справедливо отмечал, что у многих из наших современников сознание является не более структурированным и аналитическим, чем у дикаря¹⁶.

Поиск социальной функции религии и культуры в целом стал основой для двух направлений так называемого функционализма, доминировавших в антропологии вплоть до 50–60-х годов прошлого столетия. Первое представлено школой Бронислава Малиновского, согласно взглядам которого, существование любого культурного элемента объясняется психологическим или эстетическим «спросом» на него со стороны индивида; бесполезных культурных явлений, таким образом, не может быть в принципе¹⁷.

¹⁴ Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении/ Ред. Л. М. Штутина. Издательство «Педагогика-Пресс», 1994. – 8 с.

¹⁵ Smart N. The philosophy of religion. N.Y.: Oxford University Press, 1979. P. 184.

¹⁶ Эванс-Притчард Э. История антропологической мысли. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 158.

¹⁷ Малиновский Б. Научная теория культуры, М.: ОГИ, 2005. С. 35.

Другое направление, структурный функционализм, начало которому положили работы А. Рэдклифф-Брауна, склонялось к мысли, что культурные явления служат не потребностям индивида, а запросам общества в целом: религия, этика и право способствуют поддержанию стабильности и постоянства его структуры, сглаживая противоречия между составляющими его индивидами и способствуя их кооперации. Рэдклифф-Браун считал свою гипотезу верной только лишь применительно к некоторым религиям – например, «гражданским культам», которые исповедовали в Древнем Риме или конфуцианском Китае, где поклонение богам рассматривалось как способ служения родному сообществу – будь то полис, деревня или государство¹⁸.

И снова наблюдается странное разделение индивидуального и социального, как будто человек должен быть или исключительно индивидуальным, или социальным, животным.

Нерешенной проблемой социального подхода было представление о жестком детерминизме общественных институтов и культурных явлений. «Основной постулат социологии состоит в том, что созданный человеком институт не может базироваться на заблуждении и обмане: иначе он не смог бы существовать достаточно долго. Если бы он не основывался на природе вещей, он встретил бы в вещах сопротивление, которое не смог бы преодолеть» – считал Э. Дюркгейм¹⁹. Безусловно, это очень верное замечание. Из представления о том, что формы религии определяются их социальной ролью, логически вытекает, что изменения в образе жизни общества должны сопровождаться изменением его религии, однако в рамках этого подхода данное правило не срабатывало в отношении мировых религий. Детерминистские концепции, будь то подход Дюркгейма или исторический материализм Маркса, не могли объяснить удивительное постоянство религиозной обрядности и доктрины, и разбивались об «устойчивое сохранение неприспособленного»²⁰.

И это действительно так и есть, а неспособность ученых увидеть эти изменения, как раз и объясняется тем, что их представления о религии это представления о «бесполезной религии», а потому не имеют практической составляющей, и судят они о той или иной религии в тот или иной период истории исключительно по внешним формальным признакам. Они не могут увидеть разницу между христианской религией Раннего Средневековья, Позднего Средневековья и современным христианством. Это как раз и есть результат работы концепции «Бесполезной религии», о которой было сказано в начале книги.

Религиозные движения, культовые организации, по их мнению, сплошь и рядом действуют нелогично: христианская церковь, в Средние века превратившаяся в богатейшего владельца земель и финансов, продолжала при этом, как и в дни апостолов, проповедовать аскетизм – хотя это, казалось бы, шло вразрез с ее интересами, превращая Святой Престол в удобную мишень для обвинений в лицемерии. В результате эту «нелогичность» попытались объяснить «пережитками». Дискуссия о пережитках считается одной из самых длительных и бесплодных в антропологической науке: она была начата еще Робертсоном-Смитом и Тайлором и не может считаться оконченной и до сих пор. Если эволюционисты полагали такие «бесполезные» элементы религиозных культов простой данью традиции, обреченной со временем на отмирание (прогнозы, кстати, редко оправдывались), то функционалисты старались подобрать «пережиткам» какую-нибудь актуальную причину: например, Б. Малиновский считал, что наличие в культуре элемента, утратившего свою прежнюю функцию, всегда объясняется тем, что он приобрел какую-то новую роль²¹.

¹⁸ Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции. М., 2001. С. 206.

¹⁹ Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с. *Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie.* 4-ème éd. Paris, 1960.

²⁰ Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 37.

²¹ Малиновский Б. Научная теория культуры., М.: ОГИ, 2005. С. 35.

Имела место также попытка анализировать религию как систему коммуникации: если ранее ученые рассматривали как исходную точку рассуждений о культуре социальные институты, то теперь они стали проявлять все больше интереса к закономерностям работы человеческого мозга. Человеческий мозг рассматривался как генератор и реципиент информации, а общество в целом – как система, где индивидуальные сознания соединены информационными потоками²².

С этой точки зрения человеческая культура представляется как набор различных кодов, таких как этика, право, естественный язык – или религия, чьи обряды состоят из символов, скрывающих за внешней формой значимое для верующего содержание. Однако для этого метода большинство обрядов низкоинформативны и передают крайне небольшое число значений, имеющих смысл для адресата, – в лучшем случае они позволяют зрителям почувствовать свое единение, очищение от прежней жизни, новый статус и т. п.²³

Проще говоря, этот подход не может объяснить значение обряда: получалось, что код крайне несодержателен, а текст при этом неоправданно велик.

Несмотря на то, что в отдельности, ни одно из вышеупомянутых направлений не смогло создать полноценную научную теорию религии, тем не менее, каждое затронуло ту или иную практическую ее сторону, и потому представляют высокую научную ценность.

Эволюционная теория Б. Тейлора рассматривает религии как древние знания, полученные опытным путем, подчеркивая их рационалистическую направленность и считает, что единственное их отличие от современных научных знаний заключается в ином понятийном аппарате.

Соответственно, этот понятийный аппарат может быть расшифрован, а обнаруженные знания проверены опытным путем.

Функционализм Малиновского и структурный функционализм – подчеркивают чрезвычайную ценность религий, с точки зрения социальной практики.

Соответственно, практическое применение обнаруженных знаний следует искать, в первую очередь, в социальной сфере.

Кибернетический подход – указывает на социально важное коммуникативное значение религии, – на то, что делает индивидов обществом.

Соответственно, эти знания имеют обществообразующую функцию.

Эта сторона религиозных знаний работает, и может быть повторена опытным путем.

²² Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы. 1958. С. 83–102.

²³ Bloch M. Symbols, Song, Dance and Features of Articulation. Is Religion an Extreme Form of Authority? // Archives Européennes de Sociologie. 1974. 15. P. 71.

Глава 3. Четыре модели взаимодействия науки и религии

Существует четыре возможные модели взаимодействия науки и религии, рассматриваемые в научной среде. Эти модели могут пребывать в четырех плоскостях – это Конфликт, Независимость, Диалог и Интеграция.

Самая популярная в массовой культуре модель – это модель независимости. Ты наверняка не раз слышал выражение, что наука отвечает на вопрос «Как», а религия на вопрос «Почему». Идея в том, что для ликвидации вражды между наукой и религией, их, как маленьких детей, надо рассадить по разным комнатам, а лучше зданиям, и сделать так, чтобы они вообще не встречались. Они якобы наблюдают за разными аспектами реальности и жизни и не должны пересекаться. Они говорят на разных языках, и у них разные функции, и точка. И у этой идеи масса сторонников. Например, среди многих, это доктор биологических наук Татьяна Черниговская или математик Алексей Савватеев. Вспоминается Кант, сказавший: «Я должен отказаться от знаний, чтобы сохранить место для веры». То есть, невозможно иметь одно и другое одновременно. И вроде бы здорово. Решение найдено! Конфликту не быть. Так думал известный биолог Стивен Джей Гулд, который предложил эту философскую идею в 1997 году в статье «Не пересекающиеся магистерии». Ее еще называют концепцией NOMA (Non-Overlapping Magisteria).

Следующая модель, имеющая наибольшую медиа-поддержку – это Конфликт. Как известно, Ричард Докинз посвящает значительную часть своей книги «Бог как иллюзия» опровержению концепции NOMA Стивена Гулда. Джери Койн в своей книге «Вера против Фактов: почему наука и религия несовместимы», настаивает, что это не лагерь ученых, а лагерь теологов опровергают концепцию NOMA. Сами верующие отвергают ее, потому что бояться, что это создаст фальшивую дихотомию, где ученые, полностью отделённые от теологии, не смогут увидеть никакой пользы и ценности в теологии, чего они конечно не желают. Им хочется быть на виду и доказать ученым, «что вы нуждаетесь в нас, у нас есть что-то ценное, поэтому не игнорируйте нас». К тому же еще, Фома Аквинский резко отвергал такое разделение. То есть теологи знают, что они выдвигают свои убеждения, основываясь на определённых предположениях о реальном мире, которые они считают истинными. Ведь даже Френсис Коллинз – наверное, самый известный ученый, верящий в Бога, – отвергает идею Гулда, указывая что «Религия ... это не просто набор ценностных суждений и моральных директив. Религии часто делают заявления о том, как мир устроен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.